

РАЗБУДИ МЕНЯ
КОГДА СТАНЕШЬ
ХОРОШИМ

Эмиль Бланк

Разбуди меня когда станешь хорошим

<https://litres.ru/74008976>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лена и Глеб обычные дети которые любят родителей и стараются быть «хорошими». Но в их доме любовь измеряется количеством ошибок: забытая чашка, четвёрка в дневнике, недостаточно громкое «спасибо» и день разрушен. Мама искренне желает детям лучшего, не замечая что её методы граничат с психологическим террором. Эта жестокая, честная бытовая драма показывает, как благие намерения ломают души, и спрашивает: можно ли выжить когда родной дом превращается в камеру моральных пыток?

Содержание

Глава	4
Глава 1. Всё, что не похоже на любовь	5
Глава 2. Ты просто не стараешься	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эмиль Бланк
Разбуди меня когда
станешь хорошим

Глава

Глава 1. Всё, что не похоже на любовь

Лена привыкла засыпать под звук маминых шагов. Тихих, скользящих, словно кошка по паркету. Но последние полгода шаги стали тяжёлыми...мама словно наступила на собственное спокойствие и раздавила его.

— Ты меня слышишь? — голос Ирины Сергеевны падает в комнату Лены, как ртуть: беззвучно, ядовито, не вытереть. — Я сказала: закрой дверь тихо. А ты? Стукнула. Ты меня не уважаешь, Лена. Ты делаешь это специально. Чтобы я чувствовала себя никем в собственном доме.

Лене семь. Она мнет край пижамы. Хлопок намочает от пота не потому что жарко, потому что внутри что-то сжимается маленькое и дрожащее, как сердце мыши перед ударом лапы.

— Я не специально, — шепчет она.

— *Не специально?* — мама смеётся. Коротко, без тепла. — Ах, конечно. Ты *не специально* мучишь маму. Ты *не специально* делаешь так, чтобы я плакала по ночам. Знаешь, сколько я вчера не спала? Два часа. Потому что думала: *почему моя дочь меня ненавидит?*

Отец Сергей, сидит в гостиной перед телевизором с выключенным звуком. Он не смотрит на экран. Он смотрит в

стену. Мамин голос прорезает квартиру как штопор — но Сергей уже научился не слышать. Или притворяться. Лена не понимает разницы, она только знает, что если попросить папу заступиться, он скажет: «Маму нельзя расстраивать, у неё давление» или «Ты сама виновата, надо лучше себя вести».

Лучше. Всегда лучше. Недостаточно хорошо, всегда лучше, чем сейчас...

— Иди спать, — выдыхает мама. — Иди. Но помни: завтра у тебя контрольная по чтению. Ты читаешь как первоклассница, хотя перешла уже во второй. Все дети как дети, а ты — пауза. В паузе умещается целый список того, что Лена делает не так. Мама не произносит его вслух, но Лена слышит каждое слово потому что мама уже говорила сто раз. Ладно. Спи.

Лена забирается под одеяло. В темноте ей кажется, что стены дышат. Не как защита — как зверь, который ждёт, когда она ошибётся снова.

В восемь утра завтрак. Бутерброд с сыром выложен на тарелку под правильным углом — мама терпеть не может «кривые бутерброды». Лена ест медленно, потому что торопиться нельзя — подавишься. Но и медленно нельзя — мама скажет, что она ковыряется назло.

— Назло маме, да? — спрашивает Ирина Сергеевна, даже не глядя на дочь. Она смотрит в телефон, но вопрос бросает точно в лоб. — Тебе что, не нравится как я готовлю? Может,

пойдёшь к другой маме? Ну иди я тебя не держу.

Лена кладёт бутерброд. Сказать «нет» значит услышать: «Ты врёшь». Промолчать услышать: «Вот видишь, я права». У неё нет выигрышных ходов в этой игре.

— Мне нравится, — тихо говорит она.

— Тогда почему не доедаешь?

— Я я ем.

— Ты *елозишь*. Сиди нормально. За столом не вертятся.

Лена выпрямляется. Сыр липнет к нёбу. Ей хочется пить, но попросить воду значит отвлечь маму от важных дел. "Важные дела" мамы это проверка, всё ли вокруг соответствует её представлению о счастье. А счастье это когда Лена молчит, улыбается и не ошибается.

В школе у неё есть подруга, Даша. Даша иногда говорит: «А у тебя мама добрая?» Лена кивает. Она не врёт просто ей кажется, что то, что происходит дома, и есть «добрая». Потому что мама купила ей новые кроссовки. Потому что папа принёс шоколадку. Потому что по субботам они ходят в парк, там мама делает смешные селфи, все улыбаются, и никто не плачет.

Фотографии потом выкладывают в соцсети. Под ними пишут: «Какая прекрасная семья!» Мама читает комментарии и светлеет лицом. В такие моменты Лена думает: *вот сейчас я скажу ей что-то важное, и она поймёт*. Например, что вчера на контрольной она так боялась ошибиться, что забыла таблицу умножения. Или что после маминого крика у неё

начинает болеть живот.

Она не говорит. Потому что однажды сказала про живот, и мама ответила: «Ты притворяешься, чтобы меня разжалобить. Не надо мной манипулировать». Слово «манипулировать» Лена тогда выучила в семь лет. Она думала, это когда крутишь что-то руками. Оказалось когда плачешь от боли, и тебе не верят...

Вечером того же дня отец зовёт Лену в кабинет. Он редко с ней разговаривает наедине, и когда это происходит, Лена знает: сейчас будет объяснение, от которого потом болит где-то за грудиной.

— Садись.

Она садится на край стула. На стене висит диплом отца, он юрист. Лена не знает точно что это значит, но догадывается: юристы объясняют, почему ты не прав...

— Мама тобой очень недовольна, — начинает Сергей. Он говорит спокойно, даже ласково, но Лена сжимается, потому что знает: что ласковость это разведка боем.

— Ты понимаешь, что она тебя любит?

— Понимаю.

— Тогда почему ты заставляешь её кричать?

Лена молчит. Потому что если скажет «я не заставляю», отец скажет «ты перекладываешь ответственность». Это слово она тоже выучила дома.

— Лена

Отец наклоняется вперёд. От него пахнет сигаретами и ко-

фе.

— Мама хочет для тебя самого лучшего. Мы оба хотим. Ты умная девочка. Ну, почему ты не можешь просто быть хорошей дочерью? Не кривляться, не злить, не доводить до слёз? Это так сложно?

Она мотает головой. Потом кивает. Потом не знает что делать, и просто смотрит в пол.

— Вот и хорошо, — заключает Сергей.

— Постарайся завтра вести себя так, чтобы мама улыбалась. Ладно?

Она кивает. Выходит из кабинета. В коридоре мама проходит мимо не глядя, и бросает:

— Поговорили, умники. Посмотрим, что из этого выйдет.

Лена идёт в свою комнату. Садится на кровать. На тумбочке стоит игрушечный заяц, тот самый с которым она спит с трёх лет. У зайца оторван глаз, мама обещала пришить, но забыла или не захотела. Лена обнимает зайца и прячет лицо в его мягком животе. Она не плачет. Она уже забыла, когда плакала в последний раз, потому что слёзы это «истерика» а истерика это «ты просто хочешь привлечь внимание»...

Иногда ей кажется что она и правда плохая. Что внутри неё сидит какой-то червяк, который заставляет её делать всё не так — косо, громко, неуклюже, не вовремя. И что родители бьются с этим червяком, а она просто поле боя.

Но иногда, очень глубоко куда она сама себе боится заглядывать живёт другая мысль. Мысль о том, что её любят толь-

ко тогда, когда она удобна. Что любовь можно заслужить, но если ошибешься — её отнимут. И тогда ты остаёшься одна. В комнате. С зайцем без глаза. И со звуком маминых шагов, которые всё не приближаются.

Лена закрывает дверь. Тихо-тихо. Как учили.

Мама всё равно услышала щелчок.

— Ты что, хлопаешь?! Ну, всё, я сейчас приду!

Лена зажмуривается. Заяц пахнет потом и старым молоком.

— Зайка, — шепчет она. — Я хорошая? Скажи, что я хорошая.

Зайка молчит. Он не умеет врать...

Глава 2. Ты просто не стараешься

Глебу девять. Он старше Лены на два года, и он уже понял главное правило: не выделяться. Не радоваться слишком громко а то обвинят в гипертрофированной эмоциональности. Не грустить слишком заметно иначе скажут что ты неблагодарный. Существовать ровно, тихо, как вода в стакане, который стоит на столе: если плеснёшь — разобьёшься.

— Глеб, иди сюда.

Мамин голос звучит по-деловому. Это не «иди, я тебя обниму». Это «иди, я нашла, к чему придраться».

Он идёт. На кухне пахнет жареным луком и усталостью. Мама стоит у плиты, но не готовит, она смотрит на телефон, потом на него, потом снова в телефон.

— Объясни мне, — говорит она. — Почему в твоём дневнике четвёрка по русскому?

— Учительница сказала, что я сделал ошибку в окончании.

— А я тебе говорила? Говорила, что надо заниматься дополнительно! Ты ходишь к репетитору, ты получаешь платные знания, а в итоге — четвёрка! Ты хоть представляешь сколько стоит час?

Глеб представляет. Он давно научился переводить мамин упрёки в деньги и время. Он дешёвый. Или дорогой, в зависимости от того, что он сейчас делает не так.

— Я старался, — говорит он.

— *Старался?* — мама повышает голос ровно на полтона.

Этого достаточно, чтобы у Глеба заняло под ложечкой.

— Если бы ты старался, ты бы выучил правило. А ты не выучил. Значит, ты не старался. Ты просто сделал вид, что учишь, чтобы я отстала. Так? Не ври, Глеб. Я же вижу.

Он молчит. Вина заполняет грудную клетку, как дым — не видно, но дышать нечем.

— Что мне с тобой делать? — мама откладывает телефон, берёт ложку, помешивает суп. — Ты же не глупый. Ты способный. Но ты ленивый. Ты всегда был ленивым. Помнишь, в три года ты не хотел сам одеваться? Я тогда думала: перерастёт. Не перерос.

Глеб помнит. Он помнит, как пытался надеть колготки, они путались, он плакал, а мама говорила: «Ну что ты как маленький». Ему было три. Он и был маленький.

— Иди делай уроки. Завтра перепишешь контрольную. И чтобы была пятёрка. Понял?

— Понял.

Он уходит в свою комнату. Садится за стол. Учебник по русскому открыт на правиле, которое он учил вчера три часа — повторял вслух, писал шпаргалки, диктовал сам себе. Он выучил его. Но на контрольной от волнения перепутал падежи. Потому что когда боишься, мозг работает как компьютер с вирусом — тормозит и глючит.

Но маме не объяснишь. Мама не принимает слово «бо-

юсь». Для неё «боюсь» это «оправдываюсь». А оправдываться стыдно, потому что стыдно быть слабым. Стыд это когда тебе семь лет и мама при всех спрашивает: «Ты что, не можешь нормально налить чай? У тебя руки из задницы?» И люди вокруг улыбаются. Или отворачиваются. Никто не говорит: «Это жестоко»...

Глебу восемь лет, когда он впервые замечает: если мама сегодня добрая — значит, он весь день старался быть невидимкой. Если злая — значит он где-то прокололся. Он учится вычислять её настроение по миллиметру, наклону бровей, глубине вдоха, тому, как она ставит кружку на стол. Когда кружка брякает — лучше замереть. Когда она ставит её бесшумно — можно спросить: «Мама, можно мне» и не быть уничиженным.

Но хуже всего не крик. Хуже всего молчание. Когда мама говорит: «Я с тобой больше не разговариваю», и замолкает на час, на два, на целый вечер. Глеб в такие моменты чувствует, что он исчез. Что он стал стеклом — прозрачным, беззвучным, бьющимся, но невидимым. Он подходит, трогает маму за руку, она отстраняется. Он приносит её любимую конфету — она не смотрит. Он почти что кричит: *сделай что угодно, только скажи что-нибудь!* — но молчит. Потому что если он заплачет, мама скажет: «Ах, ты ещё и ревёшь? Тебе должно быть стыдно. Это ты меня обидела, а не я тебя».

Эту логику он освоил к восьми годам. К девяти он пере-

стал пытаться её оспаривать. Он просто ждёт. Когда мама заговорит, он скажет: «Я виноват, прости». Даже если не знает, в чём. Потому что иногда она не объясняет, за что молчит. Это часть игры: догадайся, что ты сломал, иначе будешь наказан за то, что не догадался.

Отец в такие дни становится ещё тише обычного. Он может сидеть с Глебом молча полчаса, а потом положить руку ему на плечо и убрать. Без слов. Глеб сначала думал, что папа на его стороне. Теперь знает: папа просто экономит силы. Потому что если он встанет между мамой и детьми, мама скажет: «Ты всегда против меня! Вы все против меня! Я одна в этом доме борюсь за нормальную семью!» И тогда ад заллёт всё — не только детскую но и спальню, и кухню, и даже туалет, потому что мама будет орать сквозь закрытую дверь.

Однажды Глеб попробовал рассказать школьному психологу. Пришла тематическая беседа «Как справляться со стрессом», и он поднял руку, спросил: «А если мама говорит, что я её ненавижу, а я её люблю — это я вру?» Психолог молодая женщина с уставшими глазами на секунду замерла, потом улыбнулась и сказала: «Мамы иногда устают. Просто помоги ей по дому». Глеб не стал уточнять как именно мытьё посуды лечит молчаливое наказание за невыученное правило, которого он не получал.

Он больше никому не рассказывает. Потому что снаружи их семья выглядит нормальной. Даже идеальной. Мама выкладывает фото с подписью «Мои чемпионы», где они с

Леной стоят с медалями с каких-то олимпиад, конкурсов, соревнований. Они всегда на соревнованиях. Глеб ходит на плавание, Лена на танцы. Мама возит их, ждёт, фотографирует, а потом дома говорит: «Почему ты пришёл третьим? Если бы ты не ленился, был бы первым. Значит, ты не уважаешь мой труд».

Глеб учится связывать. Он — причина её усталости. Он — причина её плохого настроения. Он — налог, который она платит за то, что когда-то захотела детей. Она говорит об этом не прямым текстом, но между строк: «Ты меня сводишь с ума», «Из-за тебя у меня седые волосы», «Если бы не вы, я бы уже сделала карьеру». И Глеб верит. Потому что если не он, то кто же? Кто ещё делает маму несчастной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.